

Посвящается КМК

Глава 1

Я никогда не видел смысла в костюмированных вечеринках. На таких мероприятиях приходится выбирать: либо лезть из кожи вон, чтобы потом выглядеть как полное чмо, либо забить на все и просто выглядеть таковым. Проблема лишь в том, что, как обычно, я не знал, какой вариант предпочесть.

По душе мне был скорее второй — не люблю особо напругаться. Но в последнюю минуту я запаниковал, ринулся лихорадочно искать, где все же продают костюмы, и оказался в одном из тех секс-шопов на оживленной улице, где умудряются впаривать красное нижнее белье и розовые дилдо даже тем, кто не питает ни малейшего интереса ни к одному, ни к другому.

Вот почему в итоге я завалился на вечеринку, когда там было уже слишком душно, шумно и многолюдно, с довольно сомнительными в своей сексуализированности черными кружевными кроличьими ушками на голове. Честное слово, раньше такие штуки у меня проходили на ура. Но я точно потерял сноровку, и ради триумфального возвращения на сцену можно было придумать что-нибудь поудачнее образа второсортного мальчика по вызову, да к тому же специализирующегося на очень своеобразном фетише. Хуже того, я приехал так поздно, что все прочие одиночки с дерьмовым характером давно уже разошлись по домам.

Где-то посреди этого колодца, полного всполохов огней, пульсирующей музыки и запаха пота, находились мои друзья. Я знал об этом благодаря нашей группе в ватсапе — в тот момент она называлась «А вот и солнце, квиры»*, — и сейчас она была завалена сообщениями с различными версиями относительно того, «куда запропастился этот гребаный Люк». Но пока мне попадались только люди, которые, возможно, ввели поверхностное знакомство с людьми, поверхностно знавшими меня.

Протискиваясь к барной стойке, я обнаружил меловую доску с перечислением коктейлей, придуманных специально для этой вечеринки, и в итоге выбрал «Медленную приятную беседу о местоимениях в уютном уголке у стены». Показалось, что коктейль должен быть неплох на вкус, а его название довольно точно определяло мои шансы на перепах в тот вечер. Да и не только в тот.

Мне, наверное, стоило бы объяснить, почему я заказал себе напиток с таким небинарным названием и надел самую популярную у представителей среднего класса пародию на фетишный прикид в клуб, находившийся в подвале Шордича**. Но, если честно, я сам только начал задаваться этим вопросом. В общем, есть парень по имени Малькольм. Я его знаю, потому что Малькольма знают все. Кажется, он работает брокером или где-то в банке, но вечерами, то есть в отдельные вечера, а точнее — один вечер в неделю, он диджеит в ночном клубе для трансгендеров и гендерфлюидов, а называется этот клуб «Подвал с угощениями на любой вкус». И сегодня он устроил тут «Чайную вечеринку». Точнее, «Чайную вечеринку Безумного Шляпника». В этом весь Малькольм.

Тогда он стоял за пультом в глубине зала в фиолетовом цилиндре, полосатом фраке и кожаных штанах на голое тело

* Отсылка к песне группы Queen «Here comes the sun».

** Модный арт-район, популярный у творческой молодежи и представителей ЛГБТ+ сообщества. — *Здесь и далее — прим. пер.*

и воспроизводил то, что считалось «крутыми ритмами». А может, и не считалось. Может, никто никогда их так не называл. В то время, когда я регулярно зависал в клубах, я никогда не интересовался даже именами своих дружков на одну ночь, не говоря уж о том, чтобы выяснять всякую терминологию.

Я вздохнул и посмотрел на свой коктейль «Приятное отсутствие личной жизни». Должно же существовать какое-то слово, чтобы назвать ощущение, которое возникает, когда ты делаешь то, чего тебе совсем не хочется, пытаешься поддержать кого-нибудь, а потом понимаешь, что ты им и не нужен вовсе, и если бы ты весь вечер сидел дома в пижаме и жрал «Нутеллу» прямо из банки, никто не заметил бы твоего отсутствия. Как бы там ни было, но именно такие мысли посетили меня в тот момент. И, возможно, мне стоило сразу уйти, но тогда я превратился бы в засранца, который приперся на вечеринку Малькольма, даже не потрудившись придумать себе костюм, выпил одну восьмую коктейля, а потом свалил, не перекинувшись ни с кем и парой слов.

Я достал телефон и послал жалобное сообщение «Я на месте, а вы где?», как тут же напротив него появились предательские часы. С какой стати я решил, что здесь, в подвале, в окружении бетонных стен будет нормальная мобильная связь?

— Ты хотя бы понимаешь, — чье-то теплое дыхание коснулось моей щеки, — что эти ушки даже не белые?

Я обернулся и увидел перед собой незнакомого парня. Довольно симпатичного, с заостренной мордашкой, похожей чем-то на лисью, — как ни странно, но такой типаж мне всегда нравился.

— Ага. Ну, я просто опоздал, а вот у тебя вообще нет костюма.

Он усмехнулся, при этом черты его лица заострились еще больше, и сходство с лисом стало совсем уже явным. Меня это окончательно покорило. Он отогнул лацкан пиджака и продемонстрировал стикер с надписью «Никто».

— Боюсь, я не совсем понимаю, к чему эта отсылка.

— «Мне бы такое зрение, — заметил с досадой король, — увидеть Никого!»*

— Ну и сноб же ты!

Мои слова вызвали у него смех.

— Костюмированные вечеринки пробуждают мои худшие качества.

Нельзя сказать, что это был мой самый длинный диалог с парнем, который я не угробил с самого начала, но он явно мог войти в число лидеров. Самое интересное, что я не паниковал, не пытался защищаться, изображая из себя конченого идиота или прожженного плейбоя.

— Боюсь представить, что пробуждает в тебе лучшие качества.

— А, ну, — снова улыбка, обнажающая белые зубы, — к примеру, Малькольм.

— Да, Малькольм умеет пробудить хорошее в людях. Он может устроить праздник даже по случаю покупки пластикового пакета за десять пенсов.

— Только не подсказывай ему эту идею. Кстати... — Он слегка наклонился ко мне. — Я — Кэм. Но ты все равно вряд ли расслышал мое имя, так что я готов откликаться на любое, главное, чтобы в нем был только один слог, а посередине — гласная.

— Приятно познакомиться, Боб.

— Ну и сноб же ты!

Несмотря на яркие мигающие вспышки, я уловил блеск его глаз. Мне стало интересно, какого цвета они на самом деле, но из-за полумрака и искусственного разноцветья танцпола понять это было невозможно. Плохой знак. Еще чуть-чуть, и он мог мне понравиться. А ни к чему хорошему это бы не привело.

— Ты ведь Люк Флеминг, правда? — спросил он.

Здравствуйте, приехали. А я все думал, когда же ты выложишь все карты на стол. Будь ты неладен.

* Цитата из повести Льюиса Кэрролла «Алиса в Зазеркалье».

— Вообще-то, — я решил воспользоваться стандартным для таких случаев ответом, — я Люк О’Доннелл.

— Но ты — сын Джона Флеминга?

— А тебе-то что с этого?

Он моргнул.

— Да так, ничего. Но когда я спросил у Энджи, — это девушка Малькольма, и сейчас она была в очень подходящем ей костюме Алисы, — кто этот горячий сердитый парень, она ответила: «А, да это же Люк. Сын Джона Флеминга».

Мне не нравится, когда меня обсуждают. Но, с другой стороны, выбора у меня не было. Это Люк, спустивший свою карьеру в сортир? Это Люк, у которого за последние пять лет ни с кем не было постоянных отношений? Это Люк, у которого все не так, как надо?

— Да, это я.

Кэм положил локти на барную стойку.

— Как интересно. Никогда раньше не встречал знаменитостей. Мне притвориться, что я обожаю твоего отца или что я его ненавижу?

— Я его никогда толком не видел. — Чтобы убедиться в правоте моих слов, достаточно было заглянуть в «Гугл». В общем, никаких особых секретов я не выдал. — Так что мне все равно.

— Может, оно и к лучшему, потому что я помню от силы одну его песню. Кажется, что-то про зеленую ленту на его шляпе.

— Нет, это песня другой группы — Steeleye Span.

— Подожди, как же называлась группа Джона Флеминга? А, вспомнил — «Права человека».

— Да, но я понимаю, почему ты их перепутал.

Он пристально посмотрел на меня.

— Но ведь они совсем не похожи, правда?

— Ну, есть парочка небольших различий. «Стилаи» — это скорее фолк-рок, а «Права человека» — ближе к прогрессив-року. «Стилаи» больше используют скрипки, «ПЧ» — флейту. А еще лидер у «Стилаев» — женщина.

— Ну хорошо, — он снова улыбнулся мне безо всякой робости, хотя я на его месте смутился бы намного больше, —

значит, я просто не знаю, о чем говорю. Но мой отец был большим фанатом такой музыки. Собирал все альбомы. Он хранил их на чердаке вместе со своими брюками клэш, в которые не мог влезть с 1979-го.

Ну все, Кэм начал вспоминать стародавние времена, а он ведь описал меня как горячего и сердитого парня. Хотя сейчас соотношение было где-то 80/20 в пользу сердитого.

— Смотрю, у всех отцы были фанатами моего отца.

— Тебя это, наверное, бесит?

— Немного.

— А телевидение только подливает масла в огонь.

— Ну да. — Я с безучастным видом ковырял соломинкой в коктейле. — Меня стали чаще узнавать на улице. Но знаешь, все эти: «Слушай, твой отец — это тот мужик на шоу талантов?» все же лучше, чем: «Слушай, твой отец — это тот мужик, которого показывали в новостях на прошлой неделе, когда он ударил полицейского головой в живот, а затем его стошнило на судью после того, как он перебрал героина напололам с “туалетным утенком”».

— По крайней мере, это интересно. Самая скандальная выходка моего отца за всю его жизнь случилась, когда он решил потрясти бутылку с кетчупом, забыв, что на ней не было крышки.

Я невольно рассмеялся.

— Поверить не могу, что ты хихикаешь над моей детской травмой. Кухня выглядела как в фильме про Ганнибала Лектера. Мама до сих пор вспоминает об этом, когда сердится. Даже если она сердится не на отца.

— Да, моя мама тоже постоянно вспоминает отца, когда я ее разозлю. Только она говорит не что-то вроде: «Это как в тот раз, когда твой отец залил кетчупом всю кухню», а скорее: «Это как в тот раз, когда твой отец сказал, что вернется домой на мой день рождения, а вместо этого остался в Лос-Анджелесе и снюхивал кокс с грудей проститутки».

Кэм посмотрел на меня с удивлением.

— Ну и ну.

Черт. Половина коктейля и хорошенькая улыбка, и вот я уже запел как влюбленный оборванец на французских баррикадах. Такая история могла обернуться очередным громким заголовком в газетах. «Еще один кокаиновый секрет Джона Флеминга». Или, может: «Яблоко от яблони. Отпрыск Джона Флеминга стал достойным продолжателем дела отца — любителя наркотических загулов». Или хуже того: «Прошлое не забыто. Одилия О’Доннелл до сих пор вымещает злобу на сыне из-за попок Флеминга с проститутками в восьмидесятые». Вот почему мне вообще не стоит выходить из дома. И заговаривать с людьми. В особенности с людьми, которым я хочу понравиться.

— Послушай, — сказал я, стараясь сохранять невозмутимость, хотя и понимал, как плохо все это могло закончиться, — моя мама на самом деле хорошая, она воспитала меня одна, и ей много пришлось пережить, так что... давай... давай забудем то, что я сейчас сказал?

Он посмотрел на меня так, будто теперь в его глазах я был уже не столько привлекательным, сколько странноватым типом.

— Я ей ничего не скажу. Я ее даже не знаю. Нет, я, конечно, мог бы приударить за тобой, но мы пока что не в тех отношениях, чтобы знакомиться с родителями друг друга.

— Прости, прости. Я лишь... пытаюсь защитить ее.

— Ты думаешь, ее нужно защищать от первого встречного парня, с которым ты познакомился в баре?

Ну вот, я все испортил. Потому что правильным ответом было бы: «Да, если ты расскажешь об этом в прессе, потому что со мной такое уже случалось», — но я не мог ему этого сказать, так как не хотел подавать такую идею. Если, конечно, она уже не пришла ему в голову и он не пытался играть на моих чувствах, как на флейте или на скрипке, в зависимости от того, в какой, по его мнению, группе я мог бы выступать в семидесятые. Так что оставалось только перейти к варианту Б: позволить этому забавному сексуальному парню, с которым мне хотелось провести хотя бы одну ночь, поверить в то, что я просто конченный параноик, постоянно думающий о своей матери.

— Мм, — промычал я, чувствуя, что выгляжу примерно так же соблазнительно, как сэндвич с мясом сбитого на дороге животного. — Может, поговорим по поводу того, что ты был бы не против приударить за мной?

Повисла долгая и не особенно приятная пауза. Потом Кэм улыбнулся, но его улыбка была настороженной.

— Конечно.

Снова пауза.

— Так вот, — предпринял я еще одну попытку, — по поводу твоего желания приударить за мной. Должен признать, что ты пока приложил минимум усилий.

— Что ж, сначала у меня был такой план: попытаться разговорить тебя немного, посмотреть, как пойдет дело, потом постараться поцеловать и все такое. Но ты порушил мне всю стратегию. И я теперь не знаю, что мне делать.

Я даже расстроился.

— Прости, я же не делал ничего плохого. Но у меня так плохо получается... — Я пытался подобрать слова, чтобы охарактеризовать мои попытки наладить личную жизнь: — ...все.

Возможно, у меня просто разыгралось воображение, но мне показалось, что Кэм раздумывал о том, стоит ли ему замутить со мной или нет. Удивительно, но он, похоже, все-таки решил рискнуть.

— Все? — повторил он и слегка дернул меня за кроличье ухо. Я воспринял этот жест как попытку приободрить меня.

Ведь это же был хороший знак, правда? Наверняка это было хороший знак. А вдруг, наоборот, плохой? Что с ним вообще не так? Почему он не убежал прочь с дикими криками? Ну ладно. Нет. Это все мое воображение. Это все творится только у меня в голове. А моя голова — самое ужасное место на свете, особенно для меня. Нужно было сказать что-нибудь веселое, игривое. Прямо, черт возьми, сразу.

— Я бы не стал возражать против поцелуя.

— Хмм. — Кэм наклонился еще ближе ко мне. Ни фиги себе, он и правда сейчас сделает это? — Не думаю, что тебе стоит верить на слово. Возможно, я должен сам во всем убедиться.

— Ну, попробуй.

Итак, он убедился сам. И я не возражал против поцелуя. То есть я был даже за. Надеюсь, я его не разочаровал.

— Ну что? — спросил я, стараясь, чтобы мой голос звучал спокойно, весело и в нем не было слышно отчаяния и неуверенности.

Его лицо было совсем близко, и я смог рассмотреть все соблазнительные детали: густые ресницы, легкую щетину на подбородке и маленькие морщинки в уголках губ.

— Не уверен, что могу сделать вывод на основе всего одного-единственного эксперимента.

— О. Звучит научно.

Он повторил свой эксперимент. И когда мы закончили, он прижимал меня к краю барной стойки, а я запустил ему руки в карманы, с трудом сдерживаясь, чтобы не облапать его всего. И тут я вспомнил, что он знал мое имя, имя моего отца, а возможно, и матери, а также все, что обо мне писала пресса, мне же о нем было известно лишь то, что его зовут Кэм и он неплохо целуется.

— А ты что, ученый? — спросил я, с трудом переводя дух. А когда он в замешательстве посмотрел на меня, добавил: — Ну да, говоришь ты как ученый, только на ученого не очень похож.

— О нет. — Он усмехнулся лукавой довольной улыбкой. — Это было лишь предлогом, чтобы еще раз поцеловать тебя.

— Чем же ты тогда занимаешься?

— Я фрилансер, пишу для разных сайтов, которые пытаются составить конкуренцию BuzzFeed.

Так я и знал. Так я, черт возьми, и знал! Слишком уж он старательно пытался не обращать внимания на мои многочисленные недостатки.

— Значит, ты журналист?

— Это слишком громко сказано. Я пишу статейки вроде: X фактов, которые вы хотели узнать про Y, где факту Z вы точно не поверите. Их все терпеть не могут, но все равно читают с удовольствием.

*Двенадцать фактов, которые вы не знали о Люке О’Доннелле.
Номер восемь вас точно шокирует!*

— А иногда я придумываю всякие тесты. Например, нужно выбрать из восьми фотографий котят одну, и мы скажем вам, на кого из персонажей Джона Хьюза вы похожи.

Здравомыслящий Люк из параллельной вселенной, в которой мой отец не был знаменитым засранцем, а бывший парень не продавал мои секреты Пирсу Моргану*, пытался сказать мне, что зря я так паникую. К сожалению, я его не послушал.

Кэм в недоумении наклонил голову набок.

— Что-то не так? Послушай, это не самая привлекательная работа, и я не стану утешать себя словами вроде «Кто-то же должен этим заниматься», потому что нет, не должен. Но ты опять ведешь себя очень странно.

— Прости. Это все... очень сложно.

— Сложное может быть интересным. — Он поднялся на цыпочки и заправил прядь волос мне за ухо. — С поцелуями мы разобрались. Теперь перейдем к следующему пункту — разговор.

Я улынулся в надежде что улыбка окажется не слишком безрадостной.

— Я бы предпочел заниматься тем, что у меня выходит лучше всего.

— Слушай, я сейчас буду задавать тебе вопросы, и за каждый ответ, который мне понравится, ты получишь поцелуй в награду.

— Кхм. Я не уверен...

— Начнем с малого. Ты знаешь, чем занимаюсь я. А что насчет тебя?

Мое сердце бешено билось. Ничего веселого в этом не было. Но, с другой стороны, вопрос звучал совершенно безобидно, ведь так? Эта информация давно была известна всему интернету.

* Пирс Морган — британский журналист и телеведущий. Был редактором нескольких газет, включая The Sun, The Daily Mirror и News of the world. В настоящее время работает в США.